



Мартин Хайдеггер

Лекции о метафизике

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=453535
Лекции о метафизике: Языки славянской культуры; Москва; 2014
ISBN 978-5-9551-0720-2

Аннотация

В книге представлена важнейшая лекция Мартина Хайдеггера «Что такое метафизика?» и главы из курса лекций о Ницше. Особое внимание неизменно уделяется самым основам метафизики, даже когда речь как будто идет о другом, поэтому лекции дают некоторое представление о позиции и философии Хайдеггера в целом. Книга не предназначена для широкого круга читателей, даже для любителей сложных умственных построений, хотя бы потому, что для углубления в философию этого замечательного мыслителя одного интеллектуального усилия недостаточно – необходимо еще и экзистенциальное. Однако для тех, кто не может не думать о смысле и сущности собственной жизни, вообще бытия, эти лекции могут оказаться очень полезными, захватывающими и интересными. Во 2-е издание в качестве приложения включена статья Элизабет Фёрстер-Ницше «О создании „Так говорил Заратустра“».

Содержание

От переводчика	5
Что такое метафизика?	11
Постановка метафизического вопроса	12
Углубление в вопрос	14
Ответ на вопрос	17
Послесловие	22
Комментарии	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Мартин Хайдеггер

Лекции о метафизике

© Жигалкин С. А., составление, перевод на русский язык, комментарии, 2014

© Языки славянской культуры, издание

* * *

От переводчика

Ни один перевод работ Мартина Хайдеггера на другой язык никогда не отразит всей глубины его мысли, не передаст убедительности подлинника. В действительности это относится ко всем значительным произведениям, но к трудам Хайдеггера всё же в особенности. Поэтому тем, кто намерен основательно погрузиться в его философию, желательно выучить немецкий язык: задача куда более простая, чем разобраться в фундаментальном анализе здесь-бытия или, допустим, в экспликации времени как трансцендентального горизонта вопроса о существовании как таковом. В переводе произведение всегда раскрывается в определенном ракурсе, который зависит от понимания переводчика. Вероятно, для полноты впечатления предпочтительнее располагать несколькими переводами. Более того, по прошествии времени величайшие произведения, наверное, стоило бы переводить заново. Подобное, надо заметить, и так происходит стихийно: достаточно вспомнить различные переводы Платона, Канта, Данте, Гофмана, По, классических текстов минувших эпох.

Тем не менее от перевода ждут относительной адекватности. Связанные с этим проблемы отлично известны как переводчикам, так и читателям, но все-таки скажем о них несколько слов.

Чтобы перевести текст, достаточно хорошо знать иностранный язык – это заблуждение свойственно многим. Если как следует не понимают сути дела или же плохо владеют родным языком, о переводе нечего и говорить: ни одна фраза, даже формально корректная, никогда не раскроет нужного образа, не передаст настроение, смысл. Только понятное переводчику может быть выражено и на другом языке, не более того. Мысль, состояние, чувство не возникают из рационального составления слов, пусть лингвистически и безупречного, скорее наоборот: именно чувства и мысли и побуждают слова выстраиваться в нужном порядке. Вряд ли творения Баха возникли из перебирания клавиш органа: первичны, наверное, всё же духовные сферы, благодаря которым и рождались его грандиозные мессы. Разумно нельзя объяснить, каким образом тончайшие чувства и мысли нисходят в звуки, слова, скульптуры, картины – вообще в вещество. Нет свода правил, следуя которым можно выразить настроение, смысл, красоту. Это свершается как бы «само по себе»: если есть чувство и мысль, они всё равно отразятся в словах, если их нет, значит, нет. Поэтому всякий формальный «подстрочник» – всего лишь бессмысленный набор слов. Не будь это так, достаточно было бы только «подстрочника». Случается, что поспешные дореволюционные переводы с массой небрежностей и ошибок, но сделанные талантливым писателем (Бальмонтом или Е. Бертельсом, например), куда предпочтительнее современных, исключительно точных и безукоризненных в грамматическом отношении.

Посему несомненна и совершенная невозможность компьютерных переводов – ведь компьютер не понимает смысла, особенно когда речь идет о настроениях и состояниях. Понимание чувств механизмом, осознание им себя как себя вовсе не дело времени: это невозможно по сути. Как бы не назывались подобные изыскания – големом, гофмановской Олимпией, автоматом, роботом, искусственным интеллектом, результат неизменно один: абсолютный провал. Во власти чёрта создать что угодно, кроме души, иначе к чему столько трудов, неприятностей, сложных усилий ради, к примеру, души одного только Доктора Фауста. Однако, как мог бы заметить математик, в одном частном случае компьютерный перевод всё же возможен: когда смысл исходного текста равен нулю.

Итак, перевод – всегда интерпретация, пересказ, но искусство как раз в том и состоит, чтобы этот пересказ, во-первых, все-таки следовал оригиналу, и, во-вторых, был бы законченным произведением и сам по себе. Поэтому в переводе всегда неизбежно присутствует индивидуальность переводчика, но чем ее меньше, чем менее она очевидна, тем лучше.

Читая хорошую книгу во второй, в третий раз, находят всё новые смыслы. И не только, когда возвращаются к тексту спустя много лет: состояние нашего ума постоянно меняется, каждую секунду рождаются вереницы самых непредсказуемых ассоциаций, и тот же фрагмент, перечитанный сразу, воспринимается уже по-другому, а то и вообще раскрывается с иной, неожиданной стороны. Представим, что в процессе чтения мы могли бы мгновенно записывать перевод. При каждом повторном прочтении книги он всякий раз был бы правильным, однако – всегда иным.

Разъяснять, кто такой Мартин Хайдеггер, безусловно, излишне: о самом значительном философе двадцатого века сегодня можно прочитать в журналах и книгах. Но о переводах стоит поговорить. Проблема в том, что тексты Хайдеггера нельзя просто так взять и перевести. Не только потому, что уровень абстракции в его работах невероятно высок и что при этом внимание, мысль постоянно обращены к основам и сущности бытия. Хотя и непросто держаться в подобном контексте, главная трудность всё же в ином – это немецкий язык. Хайдеггер чрезвычайно интенсивно использует этимологию, словообразование, морфологию, всевозможные специфические особенности этого языка. При постановке вопросов и углублении в них, для раскрытия важных аспектов, для обозначения новых понятий и просто для пояснений в дело идут корни, приставки, окончания, суффиксы, составляются новые слова и словосочетания, которым придаются новые смыслы. Всё связано одно с другим и с изначальными значениями морфем. Если он произнес, скажем, *die Frage*, жди *das Gefragte*, *das Befagte*, *das Erfragte*, *das Fragen*, *das Fragen dieser Frage*, *hinein–* и *hinausfragen* и тому подобное.

Самый невинный пример. Предложение из лекции «Что такое метафизика?»: «В экзистенциальном страхе „становится не по себе“». Словосочетанием «не по себе» переведено наречие «*unheimlich*». Согласно словарям, «*unheimlich*» означает «жутко, тревожно, зловеще». Однако, более подробно развивая ту же мысль в книге «Бытие и время» (§ 40), Хайдеггер пишет следующее:

В экзистенциальном страхе становится «*unheimlich*». При этом совершенно невозможно определить, что именно внушает здесь-бытию (*das Dasein*)¹ страх. Чего мы боимся? *Ничего*. Внушающего страх нет *нигде*. «*Unheimlichkeit*» вместе с тем означает и «находиться-не-дома»². При первом феноменальном обсуждении фундаментальной конституции здесь-бытия и объяснении экзистенциального смысла словосочетания «в-бытии», а также его отличия от категории «нахождение внутри», в-бытии было определено как «жить в...», «быть в доверительных отношениях с...». Этот характер в-бытии далее был разъяснен с помощью повседневной открытости общего, безличного человека (*das Man*), который привносит в усредненную повседневность здесь-бытия успокаивающую самоуверенность и ощущение, что всё хорошо и как бы «находятся у себя дома». Экзистенциальный страх, напротив, вызволяет здесь-бытие из его распаднического растворения в «мире». Доверительные отношения с повседневностью разрушаются. Здесь-бытие обособляется *как* бытие-в-мире. В-бытии входит в экзистенциальный «модус» «не-дома». Именно это и подразумевается в рассуждениях об «*Unheimlichkeit*».

То есть под словом «*unheimlich*» по крайней мере подразумевается, во-первых, «неуютно, как бы не у себя дома», во-вторых, «жутко, тревожно, зловеще» и, в-третьих,

¹ Здесь-бытие, в частности, это мы сами. См. комментарии к лекции «Что такое метафизика?».

² От нем. *das Heim* – «дом, домашний очаг» и ю. – нем. *die Heimlichkeit* – «домашний уют», также *die Heimat* – «отчизна, родина».

«отчужденно, без близких, доверительных отношений». При этом мы вообще опускаем второстепенные смыслы, которые хотя и придают немецкому слову дополнительные оттенки, всё же не столь существенны – к примеру, антонимы к «heimlich» («таинственно, скрытно, секретно, украдкой, негласно, втихомолку»). Непросто подобрать русское слово, имеющее сходные значения, – приходится отчего-то отказываться, иначе выражать смысл. И это еще довольно безобидное затруднение. Намного сложнее, когда дело касается основной терминологии, например, бесчисленных вариаций со словом «das Sein» («существование, бытие»). Das Sein, das In-sein, das Seiende, das Seiendheit, das Dasein, das Da-sein, das DrauBensein, das Sein des Seienden, die Seinsverfassung des Dasein, das In-der Welt-sein, das Sein bei, das In-der-Welt-sein des Dasein, das existenziale Sein des eigenen Seinkönnens des Daseins selbst, das Selbst des Dasein и другие. Все эти вариации на немецком понятны, ясно и хорошо объяснены. Но как их переводить? Из крайностей мне вспоминаются два английских перевода. В одном беспощадно эксплуатировалось слово «being». Его писали и со строчной буквы, и с прописной, курсивом и жирным, в разрядку и с подчеркиванием – путаница вышла довольно серьезная. В другом переводе основные немецкие слова были оставлены как есть и в изобилии снабжены сносками: получился своеобразный англо-немецкий язык – тоже, естественно, мало понятный. Попытки построить на другом языке аналогичные словообразования – отобразить, так сказать, хайдеггеровский авторский стиль – также приводят лишь к нагромождению диких, немыслимых нововведений, в которых теряется вообще всякий смысл. И это при том, что работы Хайдеггера отличаются ясностью мысли, блестящим развитием тем.

Совершенно очевидно, что при переводах Хайдеггера «дословность», «калькирование» должны быть исключены. Следуя не букве, а мысли, конечно, приходится смиряться с потерей контекстуальных связей, намеков, иронии, прочих тонкостей. Но если иначе нельзя, важнее все-таки выразить собственно мысль, пусть и другими словами.

Первая из двух предлагаемых работ – лекция «Что такое метафизика?». Она замечательна тем, что в ней намечены и частично раскрыты основные моменты всей философии Хайдеггера, которые проходят практически через все его произведения. Знакомство с этой лекцией, безусловно, облегчит понимание и других сочинений. С первых же строк поражает его подход к метафизике – сама постановка задачи, и затем – весь ход мыслей, направленных только на самую суть. Никаких отвлечений на ассоциативные и второстепенные темы, никаких описаний всяких занятых сторон бытия.

На первый взгляд изложение может показаться беглым и фрагментарным: многое сказано слишком кратко, многое лишь упомянуто, вообще не разъяснено. В какой-то мере такое впечатление оправданно: лекция сжатая, схематичная, имеющая, скорее, тезисный характер. Однако если следовать за философом, прежде всего стараясь понять основную идею – собственно смысл, те же самые разъяснения оказываются совершенно исчерпывающими: главная, невероятно глубокая мысль раскрывается зримо, во всей полноте. Достичь в этом ясности, конечно, не так-то и просто, однако усилия, вне всяких сомнений, стоят того.

Лекция прочитана Мартином Хайдеггером 24 июля 1929 года в актовом зале Фрайбургского университета по случаю вступления в должность заведующего кафедрой вместо покинувшего ее Эдмунда Гуссерля и впервые опубликована в конце того же года. Вскоре появились переводы на французский, японский, итальянский, испанский, португальский, английский и турецкий языки. Настоящий перевод выполнен в 2009 году по отдельной брошюре (*Martin Heidegger. Was ist Metaphysik?* Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1943), в которой представлен исправленный автором первоначальный текст с добавленным в 1943 году послесловием.

Вторая работа – главы из курса лекций о Ницше, прочитанных в 1936–1940 годах, взятые из тома «Метафизическая концепция Ницше и ее роль в европейском мышлении: вечное возвращение равного». Одна из немногих серьезных работ о величайшем философе нашего

времени. Интересный, захватывающий текст. Удивительна деликатность, с которой Хайдеггер относится к учению Ницше: в полном согласии с собственной философией, он стремится лишь сделать зримой тайну и глубину этого учения и ни в коем случае не собирается его разъяснить, оценить, дать окончательный ответ. Он подходит к учению так же, как в прошлые времена человек приближался к сакральному: чтобы только присутствовать в нем, стать причастным к нему, в своих рассуждениях, мыслях, прозрениях не претендуя на истину, не посягая на подлинный смысл. Только такой подход ко всему значительному способен раскрыть его бездну и высоту. Окончательное разъяснение, оценка, ответ в отношении какой-либо философии, как и в отношении метафизических вопросов о сущности бытия, лишь превращают их в мертвую схему, фальсифицируют суть.

Оценивая всё с привычных позиций, нельзя ничего увидеть, кроме соответствующего этим позициям, нельзя различить иной горизонт. В этом смысле занятна манера рассуждений советских философов: «Здесь Гегель был прав, а здесь не прав, это он понимал, а это нет, здесь очевидно ошибался, а здесь хотел сказать вовсе не то». Сие объясняется тем, что они знали истину, и с ее высоты было легко судить обо всем. Но когда эту истину вдруг объявили фальшивкой, непонятны резоны и далее действовать в том же духе, ведь для подобных сентенций надо иметь свою философию и быть убежденным в ее правоте.

В лекциях о Ницше, изобилующих цитатами из всех опубликованных произведений философа, а также из многотомного собрания набросков, писем, черновиков, особенно когда одна мысль, одна тема постепенно раскрывается в различных параграфах различных произведений, заметок, записок, Хайдеггер демонстрирует такое знание оставленного Ницше наследия, что складывается впечатление, будто он помнит всё наизусть. Обдуманно, тщательно взвешена каждая фраза, каждый попутный намек.

Вопреки всему ученому миру со всеми его предубеждениями вдруг заявить и показать в этих лекциях, что учение о вечном возвращении относится к наиважнейшим основам философии Ницше, также заслуга немалая. К тому же зная наверное, что данная точка зрения при ее несомненной истинности никогда не получит признания (что и доказано временем). Ведь речь идет не о рассудочном и не об экзальтированном понимании этой концепции, как у карлика и зверей Заратустры, а о глубочайшем экзистенциальном открытии, связанном с вечностью и невозможном без преображения самого мыслителя. «Он (Заратустра) не только говорит иначе, он и сам иной...» (*Friedrich Nietzsche, Ecce homo, Vorwort, 4*).

«Я возвращаюсь вместе с этим солнцем, этим орлом и этой змеей не к какой-то новой жизни или лучшей жизни или похожей жизни: я вечно возвращаюсь к этой же самой жизни, в самом большом и также в самом малом...» (*Friedrich Nietzsche, Also Sprach Zarathustra, Der Genesende, 2*). То есть настоящее – не повторение, а именно *возвращение* бесконечно далекого прошлого – не сходство, а полное тождество. Всё вокруг, включая и нас самих, *и есть* это самое прошлое... и одновременно бесконечно далекое будущее. Не циклы или спирали в линейном времени: возвратившееся имеет место не в другой момент времени, наступивший спустя миллионы и миллионы лет, а именно в тот же самый момент – также и время снова становится тем же, также и время замкнуто в круг. Всё вечно возвращается именно к самому себе. Прошлое и будущее соединены в настоящем, явлены в нем, являются им. Мгновение, в котором мы находимся прямо сейчас, раскрывается не как по сути своей мимолетное, но как то, что было, есть и будет всегда, как причастное вечности. Гераклитовское становление оказывается *также* и парменидовским бытием, ведь всё преходящее – *также* и неуничтожимое и неизменное, в своем возвращении существующее всегда. Каждое мгновение, весь круг времен, само время погружены в вечность. «Вот в чем мое утешение: всё, что было, – вечно: море снова вынесет всё обратно» (*Friedrich Nietzsche, Wille zur Macht, 1065*).

Как, в самом деле, существует, *как* может существовать весь этот мир (сущее в целом), если прошлое и будущее не существуют, а настоящее в каждый следующий миг тоже исчезает в небытии? На этот важнейший метафизический вопрос Хайдеггер находит в философии Ницше поразительно очевидный ответ: мир существует как вечное возвращение. Согласно этому учению прошлое и будущее – не ничто, но *вечно есть*, в своей неизменности пребывая в неведомом вневременном измерении как некая возможность, вернее, необходимость снова и снова являться в мгновениях конечного, преходящего бытия. Увидеть в мгновении вечность и означает понять, что время есть круг.

Даже тот, кто изучил всё наследие Ницше, – если вообразить такой гипотетический персонаж, – найдет в этих лекциях много нового, неожиданного, интересного.

В последних разделах лекций о Ницше (§ 19–22) обсуждаются те же темы, что и в работе «Что такое метафизика?», но рассматриваются они несколько в ином ракурсе. Различные подходы к одним и тем же вопросам взаимно дополняют друг друга и помогают лучше понять суть дела. В частности и по этой причине книга, которую вы держите в руках, составлена именно таким образом.

В томе, посвященном концепции вечного возвращения, 22 раздела (§ 1 – 22). В настоящем издании представлены § 1–7 и § 19–22. По моему мнению, именно эти разделы дают наилучшее представление обо всем курсе лекций о вечном возвращении. Перевод выполнен по изданию: *Martin Heidegger: Nietzsches metaphysische Grundstellung im abendländischen Denken: Die ewige Wiederkehr des Gleichen*. II Abteilung: Vorlesungen 1923–1944. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1985. Gesamtausgabe, Bd. 44. Перевод § 1–7 ранее публиковался в альманахе *Splendor Solis* (Вып. 2, Nox, М., 1995), затем в журнале «Онтология времени» (№ 3, М., 2000) и, исправленный и дополненный переводом § 19–22, в альманахе «Волшебная Гора: традиция, религия, культура» (Волшебная Гора, М., 2005. Т. 10), этот же вариант размещен на сайте www.nietzsche.ru. При подготовке настоящего издания в перевод были внесены дополнительные исправления и уточнения. Все цитаты из Ницше либо переведены заново (в большинстве случаев), либо отредактированы их дореволюционные переводы.

Несколько слов о собственной оценке получившегося перевода этого трудного автора. Это, скорее, поиск подхода к переводам его сочинений, нежели какой-то окончательный результат. Вне всяких сомнений, Хайдеггера можно точнее, понятнее, да и вообще по-другому перевести. Надеюсь, это когда-нибудь произойдет. Правда, неясно, каким образом в этой технократической цивилизации может возникнуть просвет, когда к философии, метафизике, смыслу и сущности бытия пробудится вдруг интерес. Пока же хотелось бы верить, что и по этому переводу можно получить представление о философии Хайдеггера, пусть даже самое общее.

В заключение приведем фрагмент из интервью с Эрнстом Юнгером, состоявшегося за несколько дней до его 100-летнего юбилея:³

Какое впечатление произвел на вас Мартин Хайдеггер, когда вы ближе познакомились с ним? Говорят, у него был такой взгляд, будто он видит насквозь...

В его манере говорить, в простых, но всегда существенных вопросах, в долгом молчании было что-то невероятно притягательное, что-то магическое. Впрочем, у меня был случай прямо здесь, у себя дома поэкспериментировать с исходящей от него непреодолимой притягательной силой. Он нанес мне визит, и мы отправились на прогулку в сад⁴. Наблюдая за его походкой – помню, на нем была зеленая кепка – и слушая,

³ Antonio Gnoli, Franko Volpi. I prossimi titani: conversazioni con Ernst Junger. Milano: Adelphi, 1997.

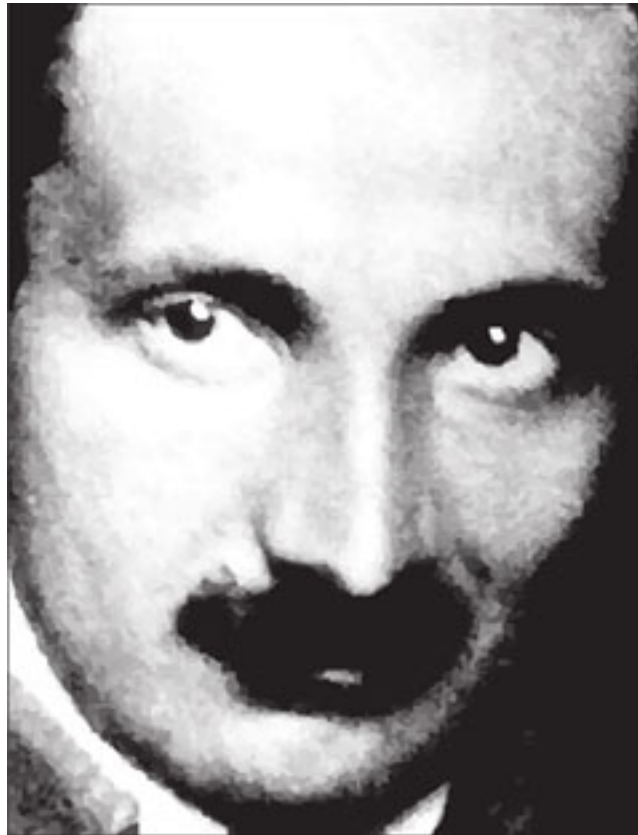
⁴ Это было вскоре после войны (не Первой, а Второй мировой).

как он говорил, делая длинные паузы, я чувствовал завораживающую силу его присутствия. Во всем образе и поведении философа отражалась магнетическая сила размышлений, подлинного вопрошания: она-то и притягивала, убеждала собеседника. Потом, вспоминаю, я видел его в Мюнхене в начале 50-х годов, где он выступал с докладом о технике.

И больше вы уже не встречались?

Кажется, нет. Когда он умер, я был среди немногих, присутствовавших на погребении. Когда мы с Лизелоттой пришли в церковь, гроб был уже закрыт, но Эльфрида, супруга Хайдеггера, велела снова его открыть, чтобы я смог в последний раз посмотреть на него. Это была очень насыщенная церемония со всеми католическими сакральными ритуалами и с прощальной речью его друга, проповедника Бернарда Вельте. И всё же в атмосфере чувствовалась некоторая неловкость из-за того, что он, в общем-то, отдалился от католицизма, хотя и не вышел из него окончательно. На своем памятнике он просил высечь звезду вместо креста. Он также просил, чтобы после церемонии, когда гроб опустят в могилу, читали стихи Гёльдерлина.

Что такое метафизика?



Что такое метафизика? Можно подумать, что далее последуют рассуждения о метафизике. Вовсе нет. Вместо этого мы рассмотрим конкретный метафизический вопрос, благодаря чему окажемся непосредственно в метафизике. Метафизика получит возможность представлять самое себя.

Начнем с постановки метафизического вопроса, затем попытаемся углубиться в него и закончим ответом.

Постановка метафизического вопроса

Согласно Гегелю, с точки зрения здравого смысла философия – «вывернутый наизнанку мир». Поэтому наши намерения требуют предварительного разъяснения. Метафизическое вопрошание включает в себе два характерных аспекта.

Во-первых, каждый метафизический вопрос всегда охватывает всю проблематику метафизики в целом. Он всегда и есть это целое. Во-вторых, каждый метафизический вопрос может быть поставлен только таким образом, что спрашивающий как таковой также оказывается в сфере вопроса.

Отсюда следует, что метафизическое вопрошание должно относиться к целому и всегда основываться на конкретной ситуации вопрошающего. Мы спрашиваем здесь и теперь, для себя. В сообществе ученых, учителей и учащихся наше здесь-бытие* определяется наукой. Что происходит в основах нашего здесь-бытия, если наука стала нашей страстью?

Области наук не пересекаются. Их методологии кардинально различны. Разрозненное множество дисциплин сегодня объединяется лишь технической организацией университетов и факультетов, а относительный смысл им придают практические цели конкретных специальностей. Сами же науки стали поверхностными и более не укоренены в собственных основах.

Тем не менее во всех науках, если следуют их положениям, имеют дело с самим сущим. С точки зрения наук ни одна область исследований не имеет над другой никакого преимущества: ни природа над историей, ни наоборот. Ни одна методология не превосходит другую. Математическое познание не является более строгим, чем филологическо-историческое. Оно отличается лишь «точностью», не имеющей никакого отношения к строгости. Требовать точности от истории было бы прегрешением против понятия строгости в гуманитарных науках. Мировоззрение, на котором основываются науки, предполагает поиск сущего и затем превращение его, согласно форме и содержанию, в предмет исследований и основополагающих определений. В науках, по их самому принципу, осуществляется «приближение» к сути вещей.

Научное мировоззрение со своим особым отношением к сущему опирается на определенную свободно выбранную человечеством позицию. Однако при до- и вненаучном образе мыслей и действий также имеют дело с самим сущим. Отличие науки в том, что она предоставляет первое и последнее слово исключительно самому предмету исследования. Подобное овеществление вопрошания, определений и обоснований ведет к ограниченности и подчинению сущему – как будто раскрытие сущего зависит лишь от него. Такой статус научных исследований и теорий, находящихся в услужении у сущего, дает им возможность претендовать на ведущую, хотя бы и ограниченную, роль во всем человеческом бытии. Научное мировоззрение, равно как и избранная человечеством позиция, на которой оно основано, могут быть полностью поняты лишь при условии, что мы видим и сознаем суть этого мировоззрения. Человек – сущее среди прочего сущего – «занимается наукой». При этом «занятии» происходит вторжение одного сущего под названием «человек» во всю полноту сущего. То есть в этом вторжении и благодаря этому вторжению сущее раскрывает себя: что оно есть и как оно есть. Это вторжение помогает сущему прежде всего вернуться к самому себе.

Мировоззрение, позиция и вторжение – сие триединство вносит в научную экзистенцию ясность и простоту здесь-бытия. И если мы безоговорочно принимаем это научное здесь-бытие, то должны заявить:

- то, с чем имеет дело научное мировоззрение, есть само сущее и ничто иное;
- то, откуда исходят все позиции, есть само сущее и ничто другое;

– то, что исследуется при вторжении, есть само сущее и более ничего.

Удивительно, но когда человек научного мировоззрения формулирует свои важнейшие убеждения, говорит он еще и о чем-то другом: необходимо исследовать только сущее и ничто иное – исключительно сущее и ничто другое – ничего, кроме собственно сущего.

Какое такое «ничто, ничего»? Случайность ли, что мы так говорим? Ничто иное, как оборот речи?

Какое нам, собственно, дело до этого «ничто»? Наука отклоняет ничто, отбрасывает его как ничтожное. Однако отбрасывая ничто таким образом, разве тем самым его не признают? И можно ли вообще говорить о признании, если мы не признаем *ничего*! Правда, быть может, сие – всего лишь пустая игра слов. В ответ на это наука должна еще раз со всей строгостью и серьезностью заявить, что имеет дело исключительно с сущим. Чем может быть для науки ничто, как ни бредом и ужасом? Одно несомненно: наука ничего не желает знать о ничто. Таково окончательное строгое научное отношение к ничто. Мы не хотим ничего знать о ничто, но именно тем самым как раз и знаем его.

Наука ничего не желает знать о ничто. Очевидно и следующее: пытаясь выразить собственную суть, наука призывает на помощь ничто. То есть использует то, что отвергает. Не свидетельствует ли это о некоем двуличии?

Размышляя о нашем сегодняшнем бытии, определяющимся наукой, мы пришли к противоречию. По ходу приведших к тому рассуждений вопрос, по сути дела, уже возник. Осталось лишь сформулировать его: так как же обстоит дело с ничто?

Углубление в вопрос

Углубление в вопрос о ничто должно привести к очевидной возможности либо, наоборот, невозможности ответа. Итак, займемся ничто. Наука с высокомерным безразличием считает его «тем, чего нет».

Но всё же попытаемся поразмышлять о ничто. Что есть ничто? И сразу проблема: уже в самом вопросе мы заранее считаем ничто чем-то, что так или иначе «есть» – считаем его сущим. Коим оно, разумеется, не является. Вопросание о ничто – что оно есть и как оно есть – превращает то, о чем спрашивается, в свою противоположность. Вопрос лишает себя собственного предмета.

Соответственно, и всякий ответ на этот вопрос невозможен. Ведь вопрос неизбежно предполагает, что ничто «есть» то или другое. Как вопрос, так и ответ о ничто равно нелепы.

И для опровержения вовсе не обязательно привлекать науку. Основные правила всякого мышления – принцип непротиворечивости, общая «логика», снимают этот вопрос. Потому что мышление по своей сути – всегда мышление о чем-то, при попытке же мыслить ничто оно вступает в противоречие с собственной природой.

Поскольку ничто никак невозможно превратить во что-то, в предмет, мы со своим вопросом о ничто оказываемся в тупике... правда, в предположении, что в данном вопросе высшей инстанцией является «логика», что разум есть средство, а мышление – путь к изначальному пониманию ничто и выводу о возможности и способах его открытия.

Можно ли посягать на непогрешимость логики? Так ли уж очевидно и безусловно в вопросе о ничто господство разума? Несомненно, лишь с помощью разума мы вообще сумели определить ничто и поставить эту проблему, хотя бы и саморазрушительную. Ведь ничто есть отрицание всего сущего, просто не-сущее. То есть мы выводим ничто из отрицания, считая его результатом последнего. Отрицание же, согласно учению той же непогрешимой логики, суть специфическое действие разума. Разве возможно, поэтому, в вопросе о ничто, тем более при постановке такого вопроса, пытаться обойтись без помощи разума? Но так ли уж очевидны все наши предположения? Относятся ли «не», «отрицаемость» и отрицание к более высокому уровню, чем ничто, представляющее собой лишь особый результат отрицания? Известно ли нам ничто только благодаря «не» и отрицанию? Или наоборот? Быть может, как раз отрицание и «не» известны нам лишь благодаря ничто? Хотя ни то, ни другое не очевидно, подобный вопрос прежде не ставился. Мы утверждаем, что ничто изначальнее, нежели «не» и отрицание.

Если этот тезис верен, то такое действие разума, как отрицание, а вместе с тем и сам разум так или иначе зависят от ничто. Как же тогда он может судить о ничто? Не кажутся ли, поэтому, вопросы и ответы о ничто нелепыми лишь из-за слепого упрямства рассудка?

И если нас не смутит формальная невозможность вопроса о ничто, и мы несмотря ни на что всё же не снимем его, то должны будем по крайней мере выполнить основное требование, предъявляемое к любому вопросу, без которого даже рассматривать вообще ничего нельзя. Если ставится под вопрос ничто, само по себе ничто, то прежде всего оно должно «где-то быть». У нас должна быть возможность каким-то образом встретиться с ним.

Где же искать ничто? Как же найти ничто? Когда что-то ищут, разве не должны быть уверены, что оно где-то есть? И в самом деле! Можно искать лишь в том случае, если предполагают наличие искомого. Но наше искомое – это ничто. А бывает ли поиск без подобного предположения – чистый поиск, так сказать?

Как бы то ни было, но мы знаем ничто даже просто по слову, часто повторяющемуся в повседневных разговорах. Этому обычному ничто, которое у всех на слуху, блёклому,

как и всё прочее само собой разумеющееся, можно на скорую руку дать следующую дефиницию:

Ничто – это полное отрицание всего сущего.

Не указывает ли в конце концов это высказывание единственно верное направление поиска встречи с ничто?

Всё сущее сначала должно быть дано, чтобы его как таковое можно было подвергнуть отрицанию, при котором проявилось бы само ничто.

Даже если не обращать внимание на сомнительную взаимосвязь отрицания и ничто, как сделать доступным для нас, конечных существ, всю полноту сущего во всей ее всеобщности? Можно, конечно, представить себе всю полноту сущего как «идею», затем подвергнуть отрицанию это мысленное представление и «помыслить» результат отрицания. Действуя таким образом, можно прийти к формальному понятию воображаемого ничто, но ни в коем случае ни к самому ничто. Однако ничто есть ничто, и между воображаемым и «настоящим» ничто по сути дела нет никакого различия, ведь ничто являет собой абсолютную неразличимость. Но не скрывается ли в «настоящем» ничто снова то самое противоречивое понятие существующего ничто? И опять возражения разума сдерживают наш поиск, законность которого может быть подтверждена только непосредственным опытом ничто.

Совершенно очевидно, что мы никогда до конца не поймем всю полноту сущего, и точно так же очевидно, что мы пребываем посреди сущего, каким-то образом раскрытого в своей полноте. Однако большая разница между постижением самой по себе всей полноты сущего и пребыванием посреди полноты сущего. Первое принципиально невозможно. Второе происходит с нами постоянно.

Складывается впечатление, что в повседневных заботах мы постоянно привязаны то к одному, то к другому сущему – будто блуждаем в той или иной сфере сущего. Но какой фрагментарной ни казалась бы повседневность, в ней всегда сохраняется сущее, пусть и неявно, причем в некоем единстве со всей «полнотой». Как раз в те моменты, когда мы не особенно погружены в свои занятия и самих себя, наиболее отчетливо чувствуется эта «вся полнота», например, в совершеннейшей скуке. Когда просто надоела книга, спектакль, занятие или праздность – это еще не скука, она возникает лишь когда «кому-то скучно». Глубочайшая скука, безмолвным туманом клубящаяся в безднах бытия, сближает все вещи, людей и себя вместе с ними в каком-то удивительном безразличии ко всему. Такая скука открывает сущее в его полноте, сущее в целом.

Сущее в его полноте открывается также и в радости присутствия любимого человека.

Подобные состояния позволяют ощутить себя посреди всей полноты сущего, почувствовать силу ее влияния на себя.

Мало сказать, что состояния эти просто неким образом раскрывают полноту сущего: эти раскрытия отнюдь не пустяковые случайности, но важнейшие события нашего здесь-бытия.

То, что мы называем «чувством», – вовсе не поверхностное явление, сопутствующее нашим мыслительным и волевым усилиям, не всего лишь побудительный мотив для последних и не просто очередное настроение, с которым мы так или иначе смиряемся.

И всё же именно в тот момент, когда эти состояния подводят нас к сущему во всей полноте, они скрывают ничто, которое мы ищем. Возникают сомнения, что при отрицании открытого в таких состояниях сущего в его полноте можно столкнуться с ничто. Подобное непосредственным образом могло бы произойти лишь в состоянии, которое по самому своему смыслу раскрывает ничто.

Встречается ли в человеческом бытии состояние, приводящее к столкновению с ничто?

Такое столкновение возможно и случается на самом деле, хотя и достаточно редко и всего на мгновения, в состоянии экзистенциального страха (*die Angst*). Мы не имеем

в виду обыкновенную боязнь, которая чем-то сродни нервозности, трусости. Экзистенциальный страх радикально отличается от обычного страха (*die Furcht*). Охваченные последним, мы боимся того или иного конкретного сущего, которое угрожает нам тем или иным, тоже вполне конкретным образом. Это всегда страх чего-то... – всегда бояться чего-то конкретного. Поскольку такой страх связан с относящимися к нему «чего-то» и «из-за чего-то», в полной зависимости от них находится и испытывающий этот страх. В стремлении освободиться, уйти от конкретной угрозы, забывают обо всем остальном – другими словами, просто «теряют голову».

Экзистенциальный страх исключает такую сумятицу. Наоборот, этому страху предшествует странное спокойствие. Разумеется, экзистенциальный страх – тоже всегда страх чего-то... но не чего-то конкретного. Бояться, скорее, не чего-то, а из-за чего-то... но не из-за чего-то конкретного. Невозможность определить, чего именно мы боимся и из-за чего, далеко не случайность: сие невозможно по сути. Тому существует известное объяснение.

В экзистенциальном страхе «становится не по себе». Но *кому именно* становится не по себе? Неизвестно к тому же, из-за чего становится «не по себе». Однако кому-то всё же становится не по себе. Все вещи погружаются в некое безразличие и мы вместе с ними. Не то чтобы всё исчезает, напротив, отдаляясь от нас, все вещи обращаются к нам. Это отдаление сущего в целом, которое в экзистенциальном страхе окружает нас со всех сторон, вызывает гнетущее чувство. Ничего, на чем задержался бы взгляд. В ускользании сущего и остается лишь это самое «ничего».

Экзистенциальный страх открывает ничто.

В экзистенциальном страхе мы находимся в неопределенном, взвешенном состоянии. Мы оказываемся в таком состоянии из-за ускользания сущего во всей полноте, спровоцированного экзистенциальным страхом. При этом и мы сами, как конкретные люди, существующие в полноте сущего, ускользаем от себя вместе с ним. Поэтому становится не по себе не индивидуальности – не «тебе» или «мне», но *кому-то*. В этой неопределенности и смятении остается одно только чистое здесь-бытие, которому более не на что опереться.

Экзистенциальный страх лишает нас слов. Сущее ускользает во всей полноте и проступает ничто, перед которым умолкает всякое «есть». В экзистенциальном страхе, когда становится по-настоящему не по себе, часто начинают говорить невпопад, лишь бы нарушить возникшую тишину, что только доказывает присутствие ничто. Когда экзистенциальный страх ослабевает, всякий сразу же может подтвердить, что в этом страхе и правда раскрывалось ничто. Покуда в нашем взоре еще свежо воспоминание, мы совершенно уверены: не было ничего такого, чего (и из-за чего) мы боялись – действительно *ничего*. И в самом деле, здесь было само и как таковое ничто.

В состоянии экзистенциального страха происходит наиважнейшее событие нашего здесь-бытия: становится очевидным ничто, которое теперь может быть поставлено под вопрос.

Так как же обстоит дело с ничто?

Ответ на вопрос

Единственно важный для нас ответ по сути дела уже получен, правда при условии, что мы позаботимся о том, чтобы поставленный вопрос о ничто оставался открытым. Для этого нужно как можно глубже рассмотреть инициируемое экзистенциальным страхом преобразование человека в его здесь-бытие и попытаться уловить открывающееся в этом состоянии ничто: понять, каким образом оно являет себя. Посему устанавливается строгое требование держаться подальше от всех объяснений ничто, не опирающихся на столкновение с ним.

Ничто раскрывается в экзистенциальном страхе, но не как сущее. Точно так же оно и не предмет познания. Экзистенциальный страх не приводит к пониманию ничто. В то же время ничто становится очевидным в экзистенциальном страхе и через этот страх, однако при этом оно не проявляется как что-то отдельное, имеющее место «поблизости» от сущего в целом, открывшегося и кажущегося чуждым в состоянии экзистенциального страха. Более того, ничто проявляется в экзистенциальном страхе вместе с сущим в целом как нечто одно. Что означает, «как одно»?

В экзистенциальном страхе сущее в целом меркнет, лишается значимости. В каком это смысле? Сущее не уничтожается экзистенциальным страхом, чтобы осталось ничто. Да и как могло бы такое случиться, ведь экзистенциальный страх совершенно бессилен против сущего в целом! Ничто именно и проявляется в единстве с сущим и при сущем, ускользающим во всей полноте.

В экзистенциальном страхе не происходит уничтожения самой по себе всей полноты сущего, тем более не применяется отрицание сущего в целом, чтобы найти ничто. Экзистенциальный страх как таковой не соотносится с применением отрицающего высказывания, но, будь и иначе, мы всё равно опоздали бы со своим отрицанием, которое помогло бы найти ничто. Ничто проявилось бы в страхе еще раньше – оно, как мы сказали, проявляется «как одно» с ускользающим сущим в целом.

В экзистенциальном страхе имеет место отход, отступление... которое отнюдь не побег, но завораживающее спокойствие. Это отступление... берет начало в ничто. Последнее не притягивает, но в согласии со своей сущностью отталкивает, отвергает. «Отталкивание от себя» как таковое суть указание на тонущее сущее в целом, что еще больше способствует его ускользанию. Отталкивание от себя и указание на ускользающее сущее в целом, которое в экзистенциальном страхе становится несостоятельным и вызывает гнетущее чувство, и есть сущность ничто: превращать в ничтожное. Превращение в ничтожное – это не уничтожение и не отрицание сущего, оно и не их следствие – вообще не относится к ним. Превращает в ничтожное само ничто.

Превращение в ничтожное – действие неординарное: отталкивание от ничто и указание на ускользающее сущее в целом открывает это сущее во всей его скрытой доселе странности, просто как нечто другое по отношению к ничто.

Только в ясной ночи ничто, наступившей в экзистенциальном страхе, становится явной изначальной открытость сущего как такового: что всюду оно, а не ничто. Эти последние слова – «а не ничто», вовсе не дополнительное пояснение, а выражение этой самой очевидности сущего. Сущность ничто, изначально превращающего всё в ничтожное, состоит в следующем: оно ставит здесь-бытие – нас самих – перед сущим как таковым. Лишь благодаря этой изначальной очевидности ничто мы можем приблизиться к сущему и погрузиться в него. Поскольку здесь-бытие по своей сути имеет дело и с сущим, которым оно не является, и с сущим, которым является, как таковое оно всегда происходит из уже открытого ничто.

Здесь-бытие означает «удерживаться в ничто», «ощущать» присутствие ничто.

«Удерживающееся в ничто» здесь-бытие всегда выходит за пределы сущего в целом. Выходящее за пределы сущего мы называем трансцендентным. Не было бы здесь-бытие по сути своей трансцендентным – то есть, если бы оно изначально не удерживалось в ничто (не «ощущало» бы присутствия ничто), – оно никогда не смогло бы иметь дело с сущим, а также с самим собой. Без изначальной очевидности ничто нет никакого индивидуального бытия и никакой свободы.

Тем самым ответ на вопрос о ничто уже дан. Ничто – не предмет, даже не сущее. Ничто – не самостоятельная вещь и не сопутствует сущему, прилагаясь к нему. Благодаря ничто только и возможно раскрытие сущего как такового для нашего здесь-бытия. Ничто – не просто понятие, противоположное сущему: оно имеет изначальную причастность к его природе. В бытии сущего происходит превращение в ничтожное, осуществляемое ничто.

Теперь, наконец, пришло время поделиться мыслью, которая давно ждала своего часа. Если мы в состоянии иметь дело с сущим – то есть вообще существовать, – лишь когда «удерживаемся в ничто», и если ничто изначально открывается только в экзистенциальном страхе, не должны ли мы постоянно пребывать в этом страхе, чтобы продолжать существовать? Но разве мы сами не согласились, что такой изначальный страх встречается редко? Однако же мы существуем и имеем дело с сущим, которое является нами самими, и с сущим, которое не является нами самими, и без подобного страха. Быть может, сей страх – безосновательное измышление, а связанное с ним ничто – преувеличение?

Изначальный экзистенциальный страх возникает лишь в редкие мгновения – как это понять? Не иначе, как следующим образом: обычно ничто в своей изначальности скрыто от нас. Почему? Потому что мы совершенно теряем себя в сущем. Чем больше в заботах мы погружаемся в сущее, тем меньше позволяем ему ускользать как таковому и тем больше отворачиваемся от ничто. И тем вернее обрекаем себя на поверхностное существование.

В то же время это постоянное, хотя и двусмысленное отстранение от ничто в определенном отношении соответствует самому его смыслу. Ведь ничто своим превращением в ничтожное как раз и отсылает нас к сущему. Ничто превращает всё в ничтожное беспрерывно, правда, обычных знаний, которыми мы обладаем в повседневности, недостаточно для того, чтобы это как следует осознать.

Разве может что-либо с большей убедительностью указывать на постоянную и всеобщую, хотя и незримую, проявленность ничто в нас самих, чем отрицание? Последнее вроде бы принадлежит природе человеческого мышления. Но отрицание никоим образом не может произвести из себя «не» как инструмент различения и противопоставления данностей, каковое для этого просто вставляется между двумя данностями. Да и как может отрицание произвести из себя «не», если оно в состоянии отрицать лишь при наличии подлежащего отрицанию? И как можно было бы рассматривать подлежащее отрицанию и результат отрицания как «не это», если в мышлении как таковом уже не предполагалось бы «не»? Но «не» может раскрыться, только если становится очевидным его источник – превращение в ничтожное, осуществляемое ничто, и, вместе с тем, само ничто. «Не» не происходит из отрицания, наоборот, отрицание основывается на «не», в свою очередь вытекающего из превращения в ничтожное. Отрицание, в сущности, – лишь один из способов превращения в ничтожное, осуществляемое ничто.

Таким образом, тезис: отрицание происходит из ничто, а не наоборот, в основном доказан. Отсюда следует, что власть разума в сфере вопросов о ничто и бытии ниспровергнута. Теперь должна быть решена и судьба «логики» в области философии. Сама идея «логики» теряется во множестве изначальных вопросов.

Как бы часто и многообразно, явно или неявно, отрицание ни применялось в мышлении, оно не может быть полноправным свидетелем проявления ничто, принципиально доступного лишь здесь-бытию. Отрицание нельзя назвать ни единственным, ни даже основ-

ным видом превращения в ничтожное, которое потрясало бы так же, как превращение в ничтожное, осуществляемое ничто. Куда большие бездны, чем в рассудочном отрицании, открываются в жесткости противодействия и неистовстве ненависти. Более весомы отчаяние отказа и беспощадность запрета. Более тягостна горечь лишений.

Эти возможные виды превращения в ничтожное – силы, среди которых обретаются и над которыми не властно заброшенное в мир здесь-бытие, – не разновидности отрицания. Однако это не мешает им выражать себя в «нет» и в отрицании. Отсюда становится очевидной пустота и широта отрицания. Пронизанность здесь-бытия различными видами превращения в ничтожное свидетельствует о постоянном, однако завуалированном присутствии ничто, изначально раскрывающимся только в экзистенциальном страхе. Изначальный экзистенциальный страх в здесь-бытии обычно подавлен. Но этот страх прямо здесь. Только спит. Во всем здесь-бытии чувствуется его дыхание: слабее всего в робости и боязливости, почти неощутимо в «да, да» и «нет, нет» деловых людей, лучше всего – в сдержанности и совершенно явно – в отваге и дерзновенности. Последние черпают силу в том, чему посвящают себя, чтобы тем самым хранить величие здесь-бытия.

Экзистенциальный страх дерзновенных ни в коем случае не является противопоставлением радости или маленьким удовольствиям размеренной жизни. Он находится вне подобных противопоставлений и состоит в тайном союзе с веселостью и щедростью созидających.

Экзистенциальный страх может проснуться в любое мгновение. Для этого ему совершенно не нужны никаких неординарных событий. Глубина его действия не зависит от ничтожности повода. Всегда готовый к прыжку, он редко его совершает, но совершая, вырывает нас из понятного и привычного.

Удерживаться в ничто, «ощущать» его присутствие, опираясь на скрытый экзистенциальный страх, означает, что мы в некотором смысле представители ничто. Мы до такой степени конечные существа, что не в состоянии по собственному решению и воле достичь изначального столкновения с ничто. Столь основательна в здесь-бытии ограниченность, что наша самая глубокая и самая подлинная конечность может препятствовать нашей свободе.

Удерживаться в ничто, опираясь на скрытый экзистенциальный страх, суть выход за пределы сущего в целом – трансценденция.

Вопрошание о ничто должно подвести нас к самой метафизике. Слово «метафизика» происходит от греческого *τὰ μετὰ τὰ φυσικά*. Это странное словосочетание (*μετὰ* – trans – «за») позднее стало использоваться для обозначения вопросов, выходящих за пределы сущего как такового.

Метафизика – это вопрошание, обращенное за пределы сущего, чтобы сделать его доступным умознанию как таковое и во всей полноте.

Вопрос о ничто подразумевает такое обращение за пределы сущего в целом. Поэтому он является метафизическим вопросом. Мы уже говорили, что вопрошание подобного рода включает в себе два характерных аспекта: во-первых, каждый метафизический вопрос всегда охватывает всю полноту метафизики, и, во-вторых, каждый метафизический вопрос всегда относится также и к самому вопрошающему.

Насколько же охватывает вопрос о ничто всю полноту метафизики? С давних времен о ничто метафизика многозначительно повторяет: *ex nihilo nihil fit* – из ничего ничто не возникает. Хотя в данном тезисе и нельзя усмотреть постановку проблемы ничто, зато благодаря особому взгляду на ничто в ней просматривается фундаментальная концепция сущего.

Античная метафизика под ничто понимает несущее, то есть бесформенную субстанцию, которая сама не может сформировать себя в имеющее форму и, следовательно, в имеющее эйдос (*εἶδος*) сущее. Существует самосоздавшийся прообраз, который и проявляется как таковой в той или иной формации. Источник, оправданность и границы этой концепции

вообще не рассматриваются, как и ничто. Христианская догматика и вовсе отрицает истинность тезиса *ex nihilo nihil fit* и придает ничто другое значение – полное отсутствие сущего вне Божественного творения: *ex nihilo fit – ens creatum* (всё сущее создано из ничего). Ничто становится противоположностью собственно сущему, *summum ens* (наивысшему сущему), Богу, как *ens increatum* (несотворенному сущему). Здесь также представления о ничто предваряют фундаментальную концепцию сущего. Метафизическое изыскание сущего относится к той же сфере, что и вопрос о ничто. Вопросы о бытии и о ничто как таковых вовсе не ставятся. К тому же никого не заботит следующий парадокс: если Бог создает всё из ничего, он должен каким-то образом иметь дело с этим ничто. Но если Бог – это Бог, он не может знать ничто, поскольку не существует альтернативы его абсолютному вечносущему бытию.

Из этого краткого исторического экскурса следует, что ничто всегда рассматривалось как противоположность собственно сущему, как его отрицание. Но если ничто вдруг действительно ставится под вопрос, оказывается, что это противопоставление никак невозможно вразумительно разъяснить и что попытки сии ведут к полноценному метафизическому вопрошанию о бытии сущего. Ничто более не остается неопределенной противоположностью сущего, но раскрывается как принадлежащее бытию сущего.

«Чистое бытие и чистое ничто, таким образом, одно и то же» – этот тезис Гегеля вполне справедлив (*Wissenschaft der Logik*, I. Buch, WW III, S. 74). Бытие и ничто неразрывны, но не потому, что сходны своей непосредственной очевидностью и неопределенностью (согласно гегелевскому пониманию), но потому, что само бытие в своем существе конечно и раскрывается только в трансценденции здесь-бытия, удерживающегося в ничто.

И если вопрос о бытии как таковом – всеохватывающий вопрос метафизики, точно таким же является и вопрос о ничто. Вопрос о ничто пронизывает всю метафизику, именно сразу всю, потому что ставит проблему происхождения отрицания, то есть требует обоснований правомочности господства «логики» в метафизике.

Известный тезис *ex nihilo nihil fit* получает теперь иной смысл, касающийся проблемы самого бытия: *ex nihilo omne ens qua ens fit* (всё сущее в качестве сущего возникает из ничего). В ничто здесь-бытия сущее в целом в согласии со своей губочайшей возможностью приходит к самому себе. Насколько вопрос о ничто, если он действительно метафизический, вовлекает в себя и вопрошающего?

Наше сегодняшнее здесь-бытие в основах своих определяется наукой. И если оно включается в вопрос о ничто, то благодаря этому также становится проблематичным.

Простота и четкость научного подхода состоит в том, что всегда имеют дело с сущим и только с сущим. Наука вообще не хотела бы обсуждать ничто. Но теперь в вопросе о ничто становится очевидным: научное здесь-бытие возможно лишь при условии, что оно «удерживается» в ничто. Оно сознает себя тем, что оно есть, лишь если не отказывается от ничто. Приписываемые науке трезвость и превосходство смешны, если она не относится серьезно к ничто. Только из-за очевидности ничто наука и может сделать сущее предметом исследований. Лишь если наука происходит из метафизики, она способна всегда сызнова выполнять свою подлинную задачу, которая состоит не в сборе и классификации знаний, а во всё новом раскрытии всей сферы истины природы и истории.

Только потому, что ничто открыто в самых основах нашего здесь-бытия, мы можем ощутить всю странность сущего. Только захватывающая странность сущего может пробудить удивление. Только из удивления – из очевидности ничто – может родиться вопрос «Почему?». Только из-за этого «Почему?» мы начинаем искать основания, мотивировать их. Только потому, что мы способны искать, изучать, обосновывать, дана нам судьба исследователей.

Вопрос о ничто ставит нас самих, вопрошающих, под этот вопрос – под этот метафизический вопрос.

Мы можем иметь дело с сущим, лишь если «ощущаем» ничто. Выход за пределы сущего свершается в самой природе здесь-бытия. Но этот выход – сама метафизика. Отсюда следует, что метафизика принадлежит «природе человеческого существа». Метафизика – не учебный курс философского факультета и не сфера ни на чем не основанных фантазий. Метафизика – важнейшее событие в нашем здесь-бытии. Она и есть само здесь-бытие. Поскольку истина метафизики обитает в этих бездонных основах, она постоянно в опасности глубочайшей ошибки. Никакая научная строгость не может сравниться с серьезностью метафизики. Философию нельзя измерить мерилем научных идей.

Если, рассматривая вопрос о ничто, мы были действительно вовлечены в вопрошание, то представление о метафизике не должно быть поверхностным и внешним. Однако нельзя сказать, что мы «переместились» в метафизику. Мы никак не смогли бы переместиться туда, ведь поскольку мы существуем, мы уже в метафизике. Φύσει γάρ, ὡ φίλε, ἐνεστί τις φιλοσοφία τῇ τοῦ ἀνδρὸς βίῳ, (Платон. Федр. 279a). Пока человек существует, имеют место и философствования. То, что мы называем философией, суть приведение в действие метафизики, в которой она возвращается к самой себе и своей непосредственной задаче. Сама же философия начинается с проникновения в основы существования. Для этого проникновения необходимо: во-первых, заданное пространство сущего в целом, во-вторых, «погружение» в ничто, то есть освобождение от идолов, которых у каждого предостаточно, и, наконец,приятие состояния, известного благодаря экзистенциальному страху, которое постоянно возвращает нас к основному вопросу метафизики, проистекающему из ничто:

Почему всюду сущее, а не ничто?

Послесловие

*...Метафизика — слово настолько абстрактное
и многозначительное, что от него каждый бежит как от чумы.
Гегель*

Вопрос «Что такое метафизика?» остается вопросом. Для тех, кто хочет и дальше углубляться в этот вопрос, данное послесловие будет, скорее, предисловием. «Что такое метафизика?» – это вопрос о самой метафизике. Подобная постановка вопроса – когда метафизика рассматривается извне, «со стороны» – подразумевает ее преодоление. Всё дело в том, что разговор начинают на языке, который способствует ее преодолению. Однако особые обстоятельства, при которых обсуждается вопрос о сущности метафизики, не должны склонять к мнению, что этот вопрос необходимо рассматривать с научной точки зрения. Современные исследования используют иные способы представления и иные методики рассмотрения сущего в плане его истинности, в согласии с которыми всё сущее считается «волей к воле», прообразом чего послужила «воля к власти». «Воля», понимаемая как основная характеристика существования сущего, есть отождествление сущего с реальным, при котором реальность реального уполномочивается на тотальное превращение в наглядное. Современная наука не служит собственной цели и не ищет саму по себе истину. Как некий способ путем исчисления превращать сущее в наглядное, наука суть установленная волей к воле условность, поддерживающая господство этой воли. Но поскольку всякое наглядное представление сущего формируется на основе найденного и поддерживаемого сущего, благодаря которому также создаются и возможности дальнейшего развития этого наглядного представления, последнее тесно связано с сущим, которое начинают считать бытием. Все соотношения с сущим свидетельствуют, таким образом, о некотором знании бытия и вместе с тем о неспособности самостоятельно следовать истине этого знания. Эта истина суть истина о сущем. Метафизика – история этой истины. Она раскрывает, чем является сущее, сосредоточившись на самом существовании сущего. Под существованием сущего метафизика подразумевает само бытие, хотя при этом она и не в силах помыслить истину бытия. Метафизика всегда движется в сферах истины бытия, которая остается ее неведомой необоснованной основой. Предположим, что не только сущее происходит из бытия, но и что – даже более изначальным образом – само бытие пребывает в своей истине, а истина бытия есть бытие истины. Тогда возникает вопрос о том, что такое метафизика в своей основе. При этом вопрошании должно мыслить метафизически и вместе с тем размышлять исходя из основ метафизики (то есть не метафизически). Посему вопрошание это принципиально двусмысленное.

Всякая попытка и дальше следовать ходу мысли лекции затруднительна. И это хорошо. Вопрошание делается от этого более подлинным. Всякий существенный вопрос – мост к ответу. Существенные ответы – всегда лишь последний шаг вопросов. Однако этот шаг нельзя сделать без длинной череды предшествующих шагов. Существенный ответ черпает силу в настойчивости вопрошания. Существенный ответ – только начало ответствования. В нем пробуждается более изначальное вопрошание. Поэтому подлинные вопросы не устраняются найденными ответами.

Затруднение следовать ходу мысли лекции двояко. С одной стороны, оно связано с загадкой, скрытой в предложенных размышлениях. С другой – с неспособностью, а часто и нежеланием мыслить. В сфере мыслительного вопрошания иногда могут помочь даже незначительные сомнения, особенно добросовестно обдуманые. Чем-то полезны и грубые

заблуждения, выраженные в гневе в слепой полемике. Ниже мы подвергнем всё спокойному и терпеливому осмыслению.

Вот наиболее характерные сомнения и заблуждения, высказанные в отношении этой лекции.

1. Лекция превращает «ничто» в единственный предмет метафизики. Но поскольку ничто суть совершенно ничтожное, из данного образа мыслей следует, что всё не имеет значения, поэтому не важно, жить или умереть. «Философия ничто» – законченный «нигилизм».

2. Лекция объявляет отдельное и к тому же угнетающее состояние экзистенциального страха единственным основным состоянием. Поскольку страх – это душевное состояние, свойственное трусам и малодушным, сей образ мыслей отрицает идеалы отваги и смелости. «Философия страха» подавляет волю к действию.

3. Лекция выступает против «логики». Поскольку же разум – критерий всех исчислений и всех порядков, подобные мысли вверяют суждение об истине случайному настроению. «Философия чистого чувства» угрожает строгому мышлению и надежности техники.

К верной оценке этих высказываний можно прийти при повторном обдумывании лекции. Можно проверить, придем ли мы к ничто экзистенциального страха простым отрицанием всего сущего, или же то, что никогда и нигде не является сущим, раскрывается как отличающееся от всего сущего, что мы и называем бытием. Ни при каких научных исследованиях сущего никогда не найдут бытия. Всегда находят лишь сущее, от коего, следуя своим представлениям, вовсе не собираются отступаться. Бытие – не свойство сущего. Бытие невозможно ни объективно рассмотреть, ни представить себе. Оно – просто другое по отношению ко всему сущему: не-сущее. Но ничто выступает как бытие. Было бы слишком опрометчиво дать ничто примитивное объяснение, сочтя его просто ничтожным и лишенным всякой сути. Вместо подобных поспешных заявлений и отказа от загадочной многозначности ничто, лучше нам подготовиться распознать в ничто безграничность, дающую всякому сущему правомочие быть. Это и есть само бытие. Без бытия, перед бездонной, но еще не раскрытой сутью которого ставит нас ничто в экзистенциальном страхе, всё сущее пребывало бы в «безбытийности». Однако и она также не является ничтожным ничто, потому что, согласно истине бытия, бытие может обходиться и без сущего, но вот сущего не бывает без бытия.

Опыт бытия как *другого* по отношению ко всему сущему мы получаем в экзистенциальном страхе, если, конечно, из страха перед экзистенциальным страхом, то есть из жалкой трусости, не закрываем уши беззвучному голосу из ужасающих бездн. Положим, мы не станем рассматривать экзистенциальный страх с точки зрения этой лекции и не будем связывать его с состоянием, возникшим по зову ничто. Тогда этот страх превратится в обычное «чувство», входящее в ассортимент известных психологии душевных состояний, которое можно анализировать и сопоставлять с другими чувствами. Следуя примитивному разграничению на «высшее» и «низшее», можно разбивать душевные состояния на классы возвышающих и принижающих. Эту ревностную охоту за «типами» и «противоположными типами» чувств, за видами и подвидами этих «типов» можно продолжать бесконечно. Но подобное антропологическое изыскание не имеет ничего общего с образом мыслей лекции: этот образ мыслей внимает голосу бытия и прислушивается к рождающемуся из него состоянию, которое, овладевая нами, учит распознавать в ничто бытие.

Готовность к экзистенциальному страху – это твердое намерение исполнить высочайшее требование, касающееся самой сути человека. Из всего сущего только человек, слыша зов бытия, переживает чудо из чудес: что сущее есть. Значит, самой своей природой призванный к истине бытия, он постоянно настроен на нее. Подлинное мужество перед сущностным страхом раскрывает самую таинственную возможность: опыт бытия. Рядом с сущностным

страхом как ужасом перед бездной обитают неуверенность, робость, тревога. Они помогают тайно оставаться при сути вещей.

Страх перед экзистенциальным страхом, напротив, может завести в такую неразбериху, что вообще перестают что-либо понимать в природе экзистенциального страха. Во что превратилась бы смелость, если ее противостояние не исходило бы из опыта экзистенциального страха? В той самой степени, в которой принижают этот страх и простиупающее в нем бытие, принижают и суть смелости. Последняя в состоянии выдержать ничто. Смелость распознает в бездне ужаса едва уловимое пространство бытия, в свете которого всякое сущее возвращается к тому, что оно есть и чем может быть. Эта лекция – не «Философия страха», но мы далеки и от намерения выдать ее за «Героическую философию». Лекция – лишь о том, что было предметом всей западноевропейской философии с ее зарождения: о бытии. Бытие – не продукт мышления. Наоборот: сущностное мышление – свершение бытия.

Теперь пришло время спросить, не противоречит ли данный образ мыслей собственной истине, если наше мышление таково, что во всем опирается на «логику»? Почему «логику» мы заключили в кавычки? Чтобы показать следующее: «логика» – это лишь одна из интерпретаций природы мышления, а именно та, которая в согласии с самим смыслом слова связывалась с достигнутым греческой мыслью опытом бытия. Подозрение в отношении логики, закономерным вырождением которой можно считать «логику», происходит из знания мышления, источник которого не в исследовании объективности сущего, а в опыте истины бытия. «Точное» мышление ни в коем случае не является самым строгим мышлением, если суть строгости – в особом усилии, направленном на то, чтобы всякое познание имело отношение к сущности сущего. «Точное» же мышление связано исключительно с исчислением сущего и служит, поэтому, только ему.

Всякое исчисление превращает исчислимое в исчисленное, чтобы его можно было использовать в последующих исчислениях. Исчисление не допускает ничего иного, кроме исчислимого. Всё является лишь предметом для исчислений. Всякое уже исчисленное обеспечивает дальнейший прогресс исчислений. Исчисление использует результаты предыдущих исчислений, в своей самодостаточности как бы постоянно питается собой. Превращение исчислимого в исчисленное применительно к сущему считается объяснением его бытия. Исчисление заранее мыслит всё сущее исчислимым и использует уже исчисленное в дальнейших исчислениях. Такое потребительское использование сущего свидетельствует о всепоглощающем характере исчислений. Лишь потому, что число может увеличиваться и уменьшаться до бесконечности, и может всепоглощающая природа исчислений скрываться за собственной «продукцией» и придавать исчисляющему мышлению видимость «продуктивного», в то время как оно с самого начала, а не только в полученных результатах, рассматривает всё сущее лишь в смысле пригодности для этих своих исчислений. Исчисляющее мышление само создает себе необходимость осваивать всё, исходя из последовательности собственных действий. Оно и не подозревает, что всё, исчисляющееся в исчислении, всегда еще до полученных сумм и продукций, уже является целым, причем единство этого целого относится к неисчислимому, из-за своей необычности ускользающему от всякого исчисления. То, что всегда и везде остается скрытым еще до требования исчисления и что, вместе с тем, таинственное и неузнаваемое, во всякое время нам все-таки ближе, чем то сущее, в котором мы обосновываемся вместе со своими намерениями, может иногда быть созвучным нашей сущности в некоем мышлении, истину коего неспособна понять ни одна «логика». Мышление, мысли которого не только не исчисляют, но и вообще определяются другим сущего, называется сущностным мышлением. Вместо того, чтобы исчислять сущее с помощью сущего, оно, расточая себя в бытии, стремится лишь к истине бытия. Такое мышление отвечает требованию бытия: человек подчиняет свою историческую сущность одной единственной необходимости, принимаемой без принуждения и реализующейся в свободе

жертвы – необходимости сохранения истины бытия, что бы ни случилось с самим собой и прочим сущим. На жертву идут без принуждений, поскольку она суть рождающаяся в безграничной свободе расточительная растрата себя в сохранении для всего сущего истины бытия. Жертве сопутствует тайная благодарность той исключительной благосклонности, с которой бытие открывает себя нашей сущности, чтобы она, сознавая его, стала его стражем. Изначальная благодарность – дань благосклонности бытия сделаться явленным нам. В этом явлении раскрывается главное – что сущее есть. Изначальная благодарность – человеческий ответ слову безмолвного голоса бытия. Беззвучный ответ этой благодарности – начало человеческого слова; благодаря этому слову только и возникает речь как возвешение слова в словах. Не будь во все времена в самой основе сущности исторического человека этой скрытой благодарности, никогда бы не стал он способен к мышлению (в предположении, что во всяком раздумьи и в каждом воспоминании имеет место мышление), которое изначально мыслит истину бытия. Да и как же иначе узрело бы некогда человечество в этой inauguralной благодарности, что благосклонность бытия при открытом отношении к ней наделяет человека благородством бедности, в котором свобода жертвы таит сокровище собственной сущности? Жертва – это разлука с сущим и посвящение себя хранению благосклонности бытия. Жертва может лишь подготавливаться в сущем в трудах и свершениях, но никогда не может быть исполнена через них. Ее исполнение зависит от твердого намерения (из которого действует любой исторический человек, причем и сущностное мышление – также действие) беречь достигнутое здесь-бытие ради сохранения достоинства бытия. Этому намерению следуют хладнокровно, не допуская сомнений в тайной готовности к разлучающей сути всякой жертвы. Жертва – неотъемлемая составляющая события, обращающего нас к бытию ради истины бытия. Поэтому жертва не терпит расчета и поиска выгоды, причем не имеет значения, высокая или ничтожная поставлена цель. Расчет искажает суть жертвы. Маниакальные стремления к целям вносят сумятицу в тревожную ясность готового к экзистенциальному страху духа самопожертвования, отважившегося приблизиться к непреходящему.

Мышление бытия не ищет опоры в сущем. Сущностное мышление чутко к знамениям непредсказуемого, в котором оно распознает пришествие неизбежного. Это мышление внимательно к истине бытия и помогает бытию истины найти свое место в историческом человечестве. Помощь сия не стремится к успеху, поскольку не нуждается ни в каком влиянии. Сущностное мышление помогает просто как твердое намерение, от которого – без всяких усилий и даже без всякого знания с его стороны – загорается ему подобное.

Мышление, прислушиваясь к голосу бытия, стремится выразить его в слове, через которое истина бытия входит в язык. Лишь если язык исторического человека происходит из этого слова, он адекватен. Если язык адекватен, порукой ему служит безмолвный голос тайного источника. Мышление бытия хранит это слово, выполняя тем самым свое предназначение. В этом причина бережного использования языка. Изречение мыслителя рождается в долгохранимом молчании и тщательном осмыслении открывшихся в этом молчании сфер. Родственно этому поэтическое именование. Равенство, как известно, уравнивает различное: поэзия и мышление совершенно равны в бережном отношении к словам, однако совершенно различны в собственных сущностях. Мыслитель говорит: «бытие». Поэт именует: «святое».

О связи поэзии и философии известно немало. Но ничего не известно о беседе с глазу на глаз поэта с мыслителем, которые «живут рядом друг с другом на разных горах».

Подлинное безмолвие всегда сопутствует ужасу как крайней форме экзистенциального страха, в котором бездна ничто отражается в человеческом существе. Ничто как другое в отношении сущего суть покрывало бытия. В бытии всякая судьба сущего изначально уже завершена.

Последняя трагедия последнего поэта ранней классической Греции «Эдип в Колоне» Софокла заканчивается строфами, которые обращаются к сокровенной судьбе этого народа и запечатлевают его вступление в неведомую истину бытия:

*Ἀλλ' ἀποπαύετε μὴδ' ἐπὶ πλείῳ
θρῆνον ἐγείρετε
πάντων γὰρ ἔχει τάδε κῦρος.*

Умолкните и впредь ваш плач
пусть никого уж не разбудит;
случившееся всегда остается таким, каково оно есть,
хранится неизменным завершённое.

Комментарии

* Для перевода опубликованных в настоящем издании работ Мартина Хайдеггера не требовалось переложения всей терминологии философа на русский язык: эта сложная работа еще предстоит будущим переводчикам его основных сочинений, «*Sein und Zeit*» прежде всего (если этот фундаментальный труд вообще возможно перевести). В данных же произведениях используются далеко не все, но лишь важнейшие термины, а при «попутном» упоминании терминологически значащих слов и словосочетаний, смысл которых разъясняется в иных работах, к счастью, имелась возможность либо обойти их, передав контекстуальный смысл другими словами, либо просто перевести на русский язык в случаях, когда смысл в какой-то степени отражался и русским словом или словосочетанием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.